

хи. <...> Деньги приносят на дом и паспорта не спрашивают. Оказалось, что удостоверения у всех просрочены, так что мы все одинаково грешны, но это не играет роли. <...>

Меня мучит то, что самый благополучный из периодов моей жизни каждого года совпадает с Вашим самым неблагополучным, и моя беспомощность в этом вопросе меня убивает. <...> Знаю, что ничего хорошего не предвиделось, но ведь спасение от клещей всегда у нас с Вами нежданно и не с той стороны, где хлопотали. <...>

14 августа (?)

<...> "...иду на вы!" Думаю я выехать 28-го, в пятницу, значит, в воскресенье, 30-го буду в Москве. <...> Чувствую, что я, как говорится, одной ногой уже

если не в Москве, то на вокзале. Такому ощущению способствует и резко изменившаяся погода. Только-только <было> тепло, а ветер уже гонит перед собой желтые листья, забирается в трубы и поднимает на море волны. Не рискуя купаться: вода теплее воздуха. Я с жадностью хватаюсь за последние лучи солнца и голубые куски неба. Говорят, что такая погода бывает здесь только в конце сентября, в начале октября. Ваш соперник — солнце — совсем бессилён, он не удержал бы меня и двух дней, если б ему не помогали все наши. Когда я думаю о Москве, я чувствую большую, большую радость от встречи с Вами и в то же время знаю, что попаду в тучу мелких забот, которые кусают меня, как комары или москиты... Ну, что же, за все надо платить!.. Прощай, фонтанское солнце! свети,

московское!!! (чтоб было легче московскому, я поставила три восклицательных знака за ним). <...>

18 августа (?)

<...> Как встретила Вас Москва?.. Брюзгливая, недобрая старуха — она всегда готовит какой-нибудь сюрприз, и я, приближаясь к ней, стараюсь угадать: какой... всегда тревожно. На этот раз осенние новости хороши, и я приободрилась. Любимый мой, Вы знаете: если Вам будет хорошо, должно быть хорошо и мне. Мы столько раз сдвигались бокалами с вином в одном и том же желании, что, может быть, в конце концов, мечта обратится в реальность. Виделись ли Вы с Евдоксией Федоровной и что слышно по поводу Ваших тех книг. Каково на том

фронте? Что узнали от Сергея Дмитриевича и от "Земли и Фабрики", виделись ли с Нарбутом? Все это меня чрезвычайно волнует. Хорошо было бы сейчас сидеть на диване, держать Вашу руку, следить за прыгающей над бровью мыслью и слушать подробно-подробно — что Вам сказали и как Вы ответили. <...>

Говорят, в Москве ужасная погода... <...> Здесь, напротив, погода установилась, дни стоят нежные, мягкие, ночи теплые, море фосфоресцирует, и я по вечерам держу в руках его черную блестящую пену... Милый, горячо-горячо целую Вас. Ваша Нета.

25 августа (?)

<...> Волнуешь перед отъездом, как школьница... Но это всякий раз,

когда мне приходится надолго расставаться с морем. Одесса на этот раз была мне особенно дорога, и я думаю — исключительно потому, что я перед ней получила для души пищу и потому что рассталась с Вами только на месяц. Больше всего я рада душевному равновесию — последние годы оно было самым уязвимым моим местом. Зимек, милый, защитите меня в Москве.

Привет моему доброму другу, господину Жилету. Он всегда в трудные минуты находил для меня слова утешения, согревал в ненастные дни и занимал в долгие зимние вечера. Милый, добрый друг — мой привет ему. Надеюсь, Вы не ревнуете к нему? Ведь Вы же сами признались мне, что и Вы тоже даже летом не можете обойтись без Него. <...>

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ

Золотой берег

У лукоморья дуб зеленый. Цепь, однако, не золотая, а железная, протравленная ржавчиной, притянула дуб, или дубок — как называют его обитатели Золотого берега, — неуклюже тупоносое рыбацье судно с двойным дном и зубастыми уключинами, к деревянному вбитому в песок колу. Дубок выставил свое деревянное брюхо под прямой удар золотых лучей солнца, — и длинная кисть лениво ползает по его жабрам, густо смазывая их смолой.

В двадцати шагах от запрокинувшейся кверху брюхом лодки лежат люди — пупами в небо, их животы и плечи тоже смазаны зеленой или черной глиной, а уключины пальцев лениво вытянуты вдоль бортов тела. И люди, и лодки берут солнечные ванны. Еще сотню шагов влево — и на торчащих из моря камнях (их называют здесь грядками) неподвижные фигуры людей с удочками, страстных бычкоистребителей, "зловеев царства водяного", как их называет одна из крыловских басен, на шее почти у каждого из рыболовов мокрый мешочек с наживкой, острохвостыми рачками или мелкой тюлькой. Рачков ловят сачком, а то и просто своими же трусиками, обмотанными снизу веревкой.

Злодеи водяного царства разбиваются на две партии. Одни работают длинными удилищами с длинной лесой; другие обыскивают впадины дна короткими "стрекачами", палками с приделанными к их концу двумя или тремя крючками. Дело в том, что бычок любит вести уединенную, почти отшельническую жизнь, забываясь в каменные щели-пещеры вблизи берега. Отсюда его и выдергивают крючки стрекачей.

Иные, более предприимчивые рыболовы, называвшие сотни крючков на длинной нити, называемой перементом (работают переметом обычно вдвоем), взяв в зубы с двух сто-

рон унизанную крючками нить, отправляются вплавь навстречу волнам. По пути они умудряются переговариваться, переметываться словами, не разжимая зубов, четырех челюстей, меж которых затянуты концы снарядов.

Есть еще много способов напасть на рыбу, рыбешку и рыбешек. По ночам бурлит воду пестрыми свинцовыми пластинками, так называемым самодуром. Длинными, пятисотметровыми руками охватывает слева и справа весь берег японский невод, скипаси. Скипаси заставляет рыбу ткнуться носом в сеть, удариться о плоскость, пока она, ища выхода, не влывет в мотню, в сетчатый мешок, откуда уж ей назад никак.

Здесь, на пляже, в золотых икришках песка, стоят пять-шесть деревянных грибов и десятка два коротеньких ванн. Под грибами черные тени, норовящие уползти и нырнуть внутрь влажного песка. На ваннах — зазывающие имена: Нина — Шурик — Арончик — Толя — Рая — Дуня.

Двое отцов семейств спускаются с горы к пляжу. В их руках — шесть или семь цепляющихся за пальцы маленьких ручонков.

— Вы знаете, Федор Абрамыч, "Дуня" — это вроде как символ: Д У Н Я; дураков у нас нет.

— Ну, а я?

— Про вас, извините, никто и не подумал.

Вдалеке проплывает военное судно.

— Папочка, это что-то похожее на уют.

— Да, Наташенька, это вроде как для разглаживания волн. Чтобы нам легче было купаться.

Крохотный мальчик поймал майского жука. Он сидит голубыми трусиками в желтый песок и пробует оторвать у жука щупальцы и желтую элитру.

— Дядь, а дядь, я первомайского жучка спыймал.

Пара. Ей под тридцать, ему едва набеголо двадцать. Он откусил колючему рачку хвост и размахнулся удочкой, чтобы бросить крючок в воду.

Она:

— Сёма, море такое — умереть не очень хочется.

Сёма выплевывает застрявшие меж губ рыжие волосики рачка.

— Сёма, слушай, Сёма, жить бы, умереть и попросить еще.

Сёма вытирает мокрые брови и отворачивается.

— Слушай, Сёма, будь я девушка, и если ты словишь хоть одного бичка.

— Здравствуйте, Клара Марковна.

— А, здравствуйте, без пиджака вас трудно узнать.

— Ну, как ваши? Пишут? А как ваши ноги?

— Благодарю вас. Ноги болят лучше. А ваша спина?

— Ее дело — быть сзади. Привет Марк Марковичу.

Рядом с зелеными трусиками лежит мешок, из полураскрытого полотняного рта которого торчит несколько огурцов. Сосед владелицы огурцов, раскачивая в такт словам ногей, поучает:

— Огурчики надо покупать, когда с моря низовка, а чуть повеяло горишником — огурцу это не нравится, он сразу морщинистый и желтый.

Мы все — купальщики. Всякий — в меру силы рук и в меру фантазии. Цена нам равная — со спортивной точки зрения. Даю краткий прейскурант:

а) *Плывущие враспашку*. На них полтрусика. Тела цвета дубовой коры. Бросаются не в воду, а прямо в горизонт. Бьют ладонями по волнам, по-дельфиньи ныряют — и через минуту они уже за линией баке-нов. На берегу их терпеливо дожи-

дается недочитанная газета и коробка с папиросами.

б) *Лягушатники*. К этому классу пловцов принадлежу и я. Я, как и все мы — люди лягушачьего класса, — плыву, разводя руками врозь, и толкая пятками воду вспять. Плы-вем мы медленно, доплываем до деревянного поплавка с надписью "дальше плыть воспрещено" и, искренне радуясь воспрещению, поворачиваем пятки к Трапезунду, а голову к прекрасному берегу Большого Фонтана. В десяти метрах от берега мы хлопаем себя по плечам, массируем свои ребра и пропускаем сквозь горло десяток глотков соленой воды.

в) *Окунальщики*. На каждой руке — по ребенку. Сзади, с берега, благословляющий жест толстогрудой жены. Входят в море по пуп, окунают детей. Дети пищат и плачут. Возвращаются назад. Вместе и жены, и они растирают простынями пухлые ребячьи тельца, обмоывают им пяточки от приставшего ила и отползают назад, к деревянным грибам.

г) *Ладонщики*. Задом к Трапезунду — лицом к Одессе. Ладони уперлись в рыхлый песок, ноги взбивают буйную пену. Им кажется, что они плывут, что они уже пересекли море от берега к берегу. В глазах их восторг. Выйдя на берег, они ложатся лицом в песок и долго не могут наладить дыхание.

д) *Щиколотники*. Обычно это или пожилые люди, или дети, боящиеся волн, бьющих водой и пеной. Они входят в море по щиколотку. Они растерянно и робко улыбаются. Глаза их говорят: ты такое большое, такое сильное и синее, а я — варианты — такой уже слабый, или такой еще слабый; подожди, пока я умру, или подожди, пока я вырасту и стану большой, как волны.

е) *Брызгальщики*. У брызгальщика — жирное слоеное тело в поперечных складках. На левой руке черные часики. "Купаться? Нет, мне нельзя, я только так". Складчатый человек наклоняется над прибором и брызжет себе на лицо и на соски груди немножко соленых капель. Он улыбается. Он почти счастлив. И он, как другие, почти купался в этом, за горизонт уходящем, шумном и синем море.

ж) *Не знаю, как назвать*. Мальчик Юра. Родители, лежащие в тени гриба, запретили ему даже близко подходить к мокрому морю. Ни-ни! Но мальчик подбегает к пенной оторочке волн, протягивает короткие руки, манит на себя волну и, когда она, шурша камешками, бежит на его зов, мальчик со смехом и вскриками страха отбегает назад и прячет лицо в коленях матери.

Ну вот, трусики мои высохли. Бе-леет парус, но он не ищет страны далекой, а возвращается назад к берегу. Я поднимаюсь по крутой дороге к трамвайной станции. Слева киоск со всякого рода водами. Но над окошком привычное, в одно слово: ВОДЫНЕТ.

Местные жители так и говорят: "В водынете воды нет".

Дальше идут куцые дачки. На одной из них — надпись пожелтевшая и ободранная: "Если вы страдаете запахом ног и их потением, можно избавиться из одного раза и навсегда. Просьба убедиться. Одесса, Средняя ул., 11".

Поднимаюсь к станции трамвая, там сходятся большефонтанные и одесские вагоны. Тут, у стыка, два крохотных буфета. Официантка перебегает от стойки к стойке: "Веранда, вы, веранда, разменяйте рубль". На грязноватых подмостках — грязнущие бутерброды с надписью: "Домашка — 67 коп. за одну". Под домашку запрокидываются стаканы с водкой. Старик-рыбак закусывает не только домашкой, но и хамсой.

На крутом подъеме от моря к трамвайной станции — длинный, стоящий боком к пляжу дом. Тут вода всегда есть, потому что это заведение морских ванн, трубы которого глотают влагу прямо из моря. И полная краснолицая женщина, заведующая ванными процедурами, в день особого — чаще всего по праздникам — наплыва посетителей то и дело вторгается в длинную очередь у окошка кассы и кричит: "Товарищ касса, прекратите билеты. Ну, хоть на четверть часа, их столько, что на них Черного моря не хватит!"

Лето 1939

Публикация Веры КАЛМЫКОВОЙ и Вадима ПЕРЕЛЬМУТЕРА.

Специально для жителей жилмассива Таирова
учебный комплекс «Тиква» - «Ор Самеах»

объявляет набор
в детский сад и 1-й класс

(филиал школы расположен
на ул. Ильфа и Петрова, 38).

Справки по тел.:

777-15-64, 34-07-19, 731-10-67

Лицензия АБ № 117142 от 19.01.2005 г.

